

Стивен Кинг

Вещи, которые остались после них



*Часть сборника
После заката (сборник)*



Стивен Кинг

Вещи, которые остались после них

«Автор»

«АСТ»

2005

Кинг С.

Вещи, которые остались после них / С. Кинг — «Автор», «АСТ»,
2005

«Если речь заходит о Стивене Кинге, обычно упоминается, сколько книг он продал, что делает сегодня в литературе и для нее. Но практически не говорят (возможно, от непонимания) о его заслугах в развитии массовой литературы. И хотя до него было уже много авторов бестселлеров, Кинг, как никто другой со времен Джона Д. Макдональда, привнес в жанровые романы реальность – с присущим его творчеству подробнейшим описанием жизни и людей в вымышленных городках Новой Англии, которые благодаря его таланту стали неотличимы от настоящих. И естественно, сочетание реальности с элементами сверхъестественного в таких романах, как «Оно», «Противостояние», «Бессонница» и «Мешок с костями», постоянно выводит его на вершину списка бестселлеров...»

© Кинг С., 2005

© Автор, 2005

© АСТ, 2005

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Стивен Кинг

Вещи, которые остались после них

1

Если речь заходит о Стивене Кинге, обычно упоминается, сколько книг он продал, что делает сегодня в литературе и для нее. Но практически не говорят (возможно, от непонимания) о его заслугах в развитии массовой литературы. И хотя до него было уже много авторов бестселлеров, Кинг, как никто другой со времен Джона Д. Макдональда, привнес в жанровые романы реальность – с присущим его творчеству подробнейшим описанием жизни и людей в вымышленных городках Новой Англии, которые благодаря его таланту стали неотличимы от настоящих. И естественно, сочетание реальности с элементами сверхъестественного в таких романах, как «Оно», «Противостояние», «Бессонница» и «Мешок с костями», постоянно выводит его на вершину списка бестселлеров. Кинг часто говорил, что Салемс-Лот – это «Пейтон-Плейс, где поселился Дракула». И так оно и есть. Сочность описаний, точно подмеченные детали, неожиданные повороты сюжета и яркие персонажи наглядно показывают, как писатель может вдохнуть новую жизнь в, казалось бы, отработанную тему, такую, как вампиры или призраки. До Кинга редакторы основательно правили многих популярных авторов, говоря, что сверхъестественное только мешает. Что ж, Кинг стал знаменитым именно благодаря сверхъестественному, и теперь уже все понимают, что он шагнул далеко за рамки одного жанра. Кинг – мастер из мастеров. Недавно он закончил самое значительное произведение своей жизни – цикл романов «Темная башня»: только что вышли шестая книга серии «Песня Сюзанны» и седьмая, последняя, – «Темная башня».

Вещи, о которых я хочу вам рассказать, те самые, что остались после них, появились в моей квартире в августе 2002 года. Большинство я нашел вскоре после того, как помог Поле Робсон разобраться с воздушным кондиционером. Памяти всегда требуется какой-то ориентир, и мой – починка того самого кондиционера. Пола, миловидная женщина (чего там, просто красавица), иллюстрировала детские книги, муж занимался экспортно-импортными операциями. Мужчина всегда помнит случаи, когда ему действительно удалось помочь попавшей в беду красивой женщине (даже если она уверяет, что счастлива в семейной жизни), потому что такие случаи крайне редки. В наши дни попытка подражать настоящим рыцарям обычно только все портит.

Я столкнулся с ней в вестибюле, возвращаясь с послеобеденной прогулки, и сразу почувствовал, что она крайне сердита. Поздоровался: «Добрый день», – как здороваются с соседями по дому, когда она вдруг спросила, едва не срываясь на крик, почему именно сейчас техник-смотритель должен быть в отпуске. Я заметил, что даже у ковбойш бывает плохое настроение и даже техники-смотрители имеют право взять отпуск. И что август, кстати, согласно законам логики, самый подходящий для этого месяц. Именно в августе в Нью-Йорке (да и в Париже тоже), моя дорогая, становится гораздо меньше психоаналитиков, модных художников и техников-смотрителей.

Она не улыбнулась. Возможно, даже не поняла, что это цитата из Тома Роббинса² (использование цитат – проклятие человека читающего). Лишь сказала, что август, возможно, действительно хороший месяц для отпускной поездки на Кейп-Код или Файер-Айленд, но ее чертова квартира превратилась в духовку, потому что чертов кондиционер только урчит, но не более того. Я спросил, хочет ли она, чтобы я посмотрел, что с кондиционером, и до сих пор

¹ The Things They Left Behind // © Перевод. В. Вебер, 2010

² Роббинс, Том (р. 1937) – современный американский писатель.

помню взгляд ее холодных оценивающих глаз. Помнится, подумал, что эти глаза наверняка увидели многое. И я помню улыбку, когда она спросила меня: «А с вами безопасно?» Мне это напомнило фильм, не «Лолиту» (мысли о «Лолите», иногда в два часа ночи, начали приходить позднее), а тот, где Лоренс Оливье обследует зубы Дастина Хоффмана, спрашивая снова и снова: «Здесь не болит?»³

– Со мной безопасно, – ответил я. – Я уже больше года не набрасывался на женщин. Раньше такое случалось два или три раза в неделю, но групповая терапия принесла свои результаты.

Легкомысленная, конечно, реплика, но я пребывал в довольно игривом настроении. Летнем настроении. Она еще раз посмотрела на меня, а потом улыбнулась. Протянула руку.

– Пола Робсон, – представилась она.

Протянула не правую руку, как принято, а левую, с узким золотым колечком на четвертом пальце. Думаю, сделала это сознательно, вы со мной согласны? Но о том, что ее муж занимается экспортно-импортными операциями, рассказала позже. В тот день, когда пришла моя очередь просить ее о помощи.

В кабине лифта я предупредил, что не стоит возлагать на меня особых надежд. Я мог их оправдать лишь в том случае, если бы ей хотелось узнать о подспудных причинах бунтов на призывных пунктах Нью-Йорка, выслушать несколько забавных анекдотов об изобретении вакцины против ветрянки или найти цитаты, касающиеся социологических последствий изобретения пульта дистанционного управления телевизором (по моему скромному мнению, самого важного изобретения последних пятидесяти лет).

– Так ваш конек – поиск информации, мистер Стейли? – спросила она, когда мы медленно поднимались вверх в гудящем и лязгающем лифте.

Я признал, что да, хотя не стал добавлять, что для меня это дело новое. Не попросил называть меня Скотт, ведь этим только вновь напугал бы ее. И уж конечно, не признался, что стараюсь забыть все накопленные знания о страховании в сельской местности. Что пытаюсь, если уж на то пошло, забыть многое, в том числе с пару десятков лиц.

Видите ли, я, возможно, стараюсь забыть, но все равно помню слишком многое. Думаю, мы можем вспомнить все, если сконцентрируемся на этом (а иногда, что гораздо хуже, вспоминаем, не концентрируясь). Я даже помню, что сказал один из южноамериканских новеллистов, вы знаете, из тех, кого называют магическими реалистами. Не фамилию писателя, она не важна, но саму цитату: «Младенцами мы одерживаем свою первую победу, когда хватаемся за что-то в этом мире, обычно за палец матери. Потом мы выясняем, что этот мир и вещи этого мира хватают нас, и всегда хватали. С самого начала». Борхес? Да, возможно, это сказал Борхес. А может, Ремаркес⁴. Этого я не помню. Знаю только, что наладил кондиционер, и, когда из конвектора пошел холодный воздух, она просияла. Я также знаю, что автор вышеупомянутой цитаты об изменении восприятия прав, и со временем мы начинаем осознавать, что вещи, которые, по-нашему разумению, мы держали в руках, на самом деле удержали нас на месте. Превращая в рабов (Торо⁵ определенно так полагал), но и служа якорем. Такой вот расклад. И что бы ни думал по этому поводу Торо, расклад сносный. Так я считал тогда. Сейчас же полной уверенности у меня нет.

И я знаю, что все это случилось в августе 2002 года, менее чем через год после того, как свалился кусочек неба и все для всех нас переменилось.

³ Фильм «Марафонец» (1976).

⁴ Ремаркес – в данном контексте кто-то еще, имярек.

⁵ Торо, Генри Дейвид (1817–1862) – американский писатель, мыслитель.

Во второй половине дня, где-то через неделю после того, как сэр Скотт Стейли надел латы доброго самаритянина и победно завершил схватку со вселяющим ужас кондиционером, я отправился в универмаг «Стэплс» на Восемьдесят третьей улице, чтобы купить коробку «болванок»⁶ и пачку бумаги. Я задолжал одному парню сорок страниц подоплеки создания фотоаппарата «Полароид» (история эта более интересная, чем вы подумаете). Когда вернулся в квартиру, на маленьком столике в прихожей, где я держу счета, которые нужно оплатить, квитанции, уведомления и бумаги аналогичного содержания, лежали солнцезащитные очки в красной оправе, со стеклами необычной формы. Я узнал их сразу и тут же лишился сил. Нет, не упал, но выронил все покупки на пол и привалился к двери, стараясь набрать в грудь воздуха. А если бы привалиться было не к чему, я бы лишился чувств, как героиня в викторианском романе, одном из тех, где похотливые вампиры появляются в полночь с первым ударом часов.

Две связанные, но несхожие друг с другом эмоциональные волны нахлынули на меня. Первая – ощущение жуткого стыда, который испытываешь, осознав, что тебя вот-вот поймут за некое деяние, объяснить которое не сможешь никогда. Память услужливо подсказала, что такое уже случилось со мной, вернее, почти случилось, когда мне было шестнадцать.

Мои мать и сестра поехали за покупками в Портленд, и до вечера весь дом остался в полном моем распоряжении. Я голый уселся на кровати, с трусиками сестры, обмотанными вокруг члена. Вокруг лежали картинки, которые я вырезал из журналов, найденных в гараже, – прежний хозяин дома хранил там подборки «Плейбоя» и «Галлери». И тут услышал шум автомобиля, свернувшего на нашу подъездную дорожку. Знакомый шум – работал мотор нашего автомобиля, то есть вернулись мать и сестра. Пег заболела гриппом, и по дороге ее начало рвать. Они доехали до Поланд-Спрингс и повернули обратно.

Я посмотрел на картинки, разбросанные по кровати, одежду, разбросанную по полу, изделие из розового искусственного шелка с кружевами в моей левой руке. Я и теперь помню, как силы покинули меня и на их место пришло ужасное чувство апатии. Мать звала меня: «Скотт. Скотт, спустись, помоги мне. Пегги заболела...»

А я, помнится, сидел и думал: «Какой смысл? Я попался. Должен с этим смириться. Отныне, увидев меня, им в голову прежде всего будет приходить одна мысль: «А вот и Скотт-онанист».

Но в такие минуты чаще всего срабатывает инстинкт выживания. Это случилось и со мной. Могу спуститься вниз, решил я, но лишь после того, как попытаюсь спасти свое достоинство. Розовые трусики и вырезки я засунул под кровать. Кое-как оделся и поспешил к матери с сестрой, насколько позволяли негнущиеся ноги. И все время думал об идиотской телевизионной игре-викторине, которую раньше смотрел, «Обгони время».

Помню, как мать коснулась моей пунцовой щеки, когда я скатился по лестнице, и тревоги в ее глазах прибавилось.

– Неужели ты тоже заболел?

– Может, и заболел, – ответил я, и достаточно радостно.

А еще через полчаса обнаружил, что у меня расстегнута ширинка. К счастью, ни Пег, ни мать этого не заметили, хотя в любом другом случае одна из них или обе обязательно бы спросили, есть ли у меня лицензия на торговлю хот-догами (в доме, где я вырос, такое сходило за остроумие). Но в тот день одна слишком плохо себя чувствовала, а вторая тревожилась. Так что обеим было не до остроумия. В общем, я вышел сухим из воды.

Счастливчик.

Вторая эмоциональная волна, накатившая на меня в моей квартире вслед за первой в тот августовский день, имела более простую подоплеку – я подумал, что схожу с ума. Потому что эти очки не могли появиться здесь. Никак не могли. никоим образом. Абсолютно.

⁶ «Болванка» – компакт-диск с возможностью одноразовой записи информации.

Потом я поднял голову и увидел кое-что еще, чего точно не было в моей квартире, когда я уходил в «Стэплс» полчасом раньше (и запер за собой дверь, как делал всегда). В углу между кухонькой и гостиной стояла бейсбольная бита. Судя по ярлыку, изготовленная фирмой «Хиллрич-энд-Брэдсби». И хотя обратной стороны биты я не видел, знал, какие там будут слова: «Регулятор претензий». Выжженные в дереве раскаленным прутом, а потом выкрашенные в темно-синий цвет.

Новое чувство охватило меня: третья волна. Сюрреалистичный испуг. Я не верю в призраков, но, право слово, в ту минуту озирался по сторонам, словно ожидал увидеть одного-двух.

И ощущения были – словно пообщался с ним. Да-да, пообщался. Потому что эти солнцезащитные очки должны были остаться в прошлом, далеком, далеком прошлом, как поют «Дикси Чикс»⁷. Впрочем, как и «Регулятор претензий» Клива Фаррелла.

«Бесбол ошен-ошен хорош для меня, – иногда говорил Фаррелл, сидя за столом и размахивая битой над головой. – А вот стра-ХО-вание ошен-ошен плохо».

Я сделал единственное, что пришло в голову: схватил солнцезащитные очки Сони д'Амико и побежал к лифту, держа их перед собой как что-то мерзкое, испортившееся, пролежавшее в квартире с неделю, пока хозяева отсутствовали. Скажем, гниль и полуразложившуюся отравленную мышь. Мне вдруг вспомнился разговор о Соне с одним моим знакомым, Уорреном Андерсоном.

«Она, должно быть, выглядела так, будто собиралась вскочить и попросить кого-то принести ей кока-колу», – подумал я после того, как он рассказал мне, что видел.

Мы сидели в пабе «Бларни стоун» на Третьей авеню, выпивали, примерно через шесть недель после того, как рухнуло небо. И следующий тост произнесли за то, что оба остались живы.

Такие моменты имеют привычку застревать в памяти, хочешь ты этого или нет. Как музыкальная фраза или припев дурацкого попсового шлягера, который невозможно выбросить из головы. Ты поднимаешься с кровати в три утра от желания отлить, стоишь над унитазом, с концом в руке, мозг твой проснулся только на десять процентов, и вдруг в голове звучит: «Она думала, ей хочется вскочить. Вскочить, чтобы коку попросить». По ходу нашего разговора Уоррен спросил, помню ли я ее забавные очки, и я ответил, что помню. Конечно же, я помнил.

Четырьмя этажами ниже Педро, швейцар, стоял в тени под навесом и говорил с Рейфом, курьером «Федэкс»⁸. Педро очень серьезно относился к своим обязанностям, когда дело касалось различных курьеров. Ввел правило семи минут – ровно столько автомобиль курьера мог стоять перед подъездом, и срок этот жестко контролировался с помощью карманных часов. А на нарушителей он направлял патрульных, с которыми поддерживал прекрасные отношения. Но вот с Рейфом сдружился. Иногда они стояли у подъезда минут по двадцать, болтали ни о чем. О политике? Бейсболе? Евангелии от Генри Дейвида Торо? Я не знал, и до того дня темы их болтовни меня не волновали. Они стояли у подъезда, когда я вошел с покупками, чтобы подняться к себе. Стояли и в тот момент, когда Скотт Стейли, уже далеко не такой беззаботный, спустился вниз. Скотт Стейли, который только что обнаружил маленькую, но заметную дыру в колонне реальности. Одного их присутствия хватило, чтобы приободрить меня. Я подошел к ним и протянул правую руку, ту, в которой держал солнцезащитные очки, к Педро.

– Как вы это назовете? – спросил я, не подумав извиниться за то, что влезаю в разговор, или за что-либо еще, желая, чтобы они забыли о своих делах и тут же переключились на мои.

⁷ «Дикси Чикс» – американская музыкальная группа (три девушки), созданная в начале 1990-х гг. и добившаяся наибольшего успеха в 2002 г. (несколько премий «Эмми»).

⁸ «Федерал экспресс» – крупнейшая частная почтовая служба.

Педро окинул меня задумчивым взглядом, словно упрекая, мол, я удивлен вашей бестактностью, мистер Стейли. Действительно удивлен. Потом посмотрел на мою руку. Долго молчал. Мелькнула ужасная мысль: он ничего не видит, потому что видеть нечего. Только мою протянутую руку. Словно сегодня – вторник-перевертыш и я жду от него чаевых. В моей руке ничего нет. Естественно, нет, потому что очки Сони д'Амико более не существовали. Забавные очки Сони давным-давно канули в Лету.

– Я называю их солнцезащитными очками, мистер Стейли, – наконец ответил Педро. – А как еще я могу их называть? Или это вопрос с подковыркой?

Рейф из «Федэкс», определенно в большей степени заинтересовавшийся очками, взял их. Я испытал огромное чувство облегчения, увидев, что он держит очки, рассматривает, даже изучает. Такое же облегчение испытываешь, когда кто-то в нужном месте почешет тебе между лопатками. Он выступил из-под навеса, поднял очки, чтобы разглядеть их на просвет. Солнечные лучи отразились от стекол в виде сердечек.

– Они похожи на те, что носила маленькая девочка в том порнофильме с Джереми Айронсом, – вынес он вердикт.

Я не мог не улыбнуться, хотя тревога не отпускала. В Нью-Йорке даже курьеры – кинокритики. Вот вам и еще одна причина, по которой этот город достоин любви.

– Совершенно верно, в «Лолите». – Я забрал у него очки. – Только очки-сердечки были в фильме, который снял Стэнли Кубрик⁹. Тогда Джереми Айронс еще ничего собой не представлял...

Я сам не понял, что сказал, но мне было наплевать. Вновь на меня напало легкомыслие... но не в хорошем смысле этого слова. В тот раз – не в хорошем.

– А кто играл извращенца в том фильме? – спросил Рейф.

Я покачал головой:

– Боюсь, сейчас не вспомню.

– Надеюсь, вы меня извините, мистер Стейли, но вы такой бледный, – подал голос Педро. – Не заболели? Может, грипп?

«Нет, гриппом заболела моя сестра, – такой ответ крутился у меня на языке. – В тот день, когда меня едва не застали гоняющим шкурку ее трусиками и любующимся девушкой апреля».

Но я не попался. Ни тогда, ни одиннадцатого сентября. Выкрутился, опять обогнал время. Я не могу говорить за Уоррена Андерсона (он признался мне в «Бларни стоун», что в то утро остановился на третьем этаже поболтать с приятелем об успехах и неудачах «Янки»), но для меня не попадаться стало настоящей специализацией.

⁹ Фильм «Лолита» (реж. Стэнли Кубрик) вышел на экраны в 1962 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.